

Корея: в поисках нового общественного договора

Ун-Чан Чунг, профессор Школы экономики Сеульского национального университета

В 1997 ГОДУ казалось, что азиатский финансовый кризис был прежде всего проблемой ликвидности — по крайней мере в Корее, где орган денежно-кредитного регулирования должен был без устали биться за то, чтобы не допустить истощения валютных резервов, пока ему на помощь не пришел МВФ, выделивший Корее огромный кредит. Если этот диагноз правилен, то можно сказать, что страны, затронутые кризисом, извлекли больше уроков, чем полагалось на их долю.

Во-первых, валютные резервы находятся теперь на гораздо более безопасном уровне, чем до кризиса. Например, за период с августа 2001 года, когда Корея завершила погашение кредитов, полученных ею от МВФ в период кризиса, она накопила валютных резервов более чем на 240 млрд долл. США — радикальное улучшение по сравнению со скромной суммой в 7 миллиардов долларов США, которыми она располагала в 1997 году. Во-вторых, проблемы «чрезмерных инвестиций», которую испытывали прежде страны Азии, больше не существуют. Нормы инвестиций снизились, а чистый экспорт возрос благодаря резкому обесценению ряда азиатских валют, произошедшему во время кризиса. В-третьих, макроэкономическая ситуация в Азии вновь стала радужной. Если опять взять в качестве примера Корею, то в настоящее время почти все ее макроэкономические показатели выглядят достаточно прочными: темпы роста ВВП колеблются на уровне 4–5 процентов (что не так уж плохо для страны, в которой ВВП на душу населения приближается к 20 000 долларов США в год), инфляция составляет менее 2,5 процента, а уровень безработицы находится на уровне ниже 4 процентов.

Однако, несмотря на эти макроэкономические показатели, не совсем ясно, стало ли жить лучше население стран Азии, испытавшие на себе финансовый кризис. Многие в Корее ощущают, что их качество жизни ухудшилось по сравнению с докризисным. Благоприятные макроэкономические показатели не делают автоматически простых людей счастливее. Такое

несоответствие порождает вопрос о том, не произошло ли после кризиса фундаментального изменения в структуре корейской экономики. Чтобы установить это, следует рассмотреть как сам финансовый кризис, так и предшествовавшие ему и последовавшие за ним события как составную часть структурной проблемы, а не просто как проблему ликвидности.

Что стоит за цифрами

До финансового кризиса главные субъекты экономики Кореи, к которым относились финансовые учреждения, крупные конгломераты и правительство (что в совокупности называли «Корея инкорпорейтед»), образовывали своего рода огромную систему разделения риска. Однако в этой системе присутствовали фатальные недостатки. Крупные корейские конгломераты состояли из множества на первый взгляд независимых компаний, которые были связаны между собой через целую сеть аффилированных структур и перекрестных платежных гарантий. Их прибыль часто завышалась из-за внутренних операций, проводившихся ими между собой. А в случае финансовых учреждений уровень безнадежных кредитов недооценивался, поскольку в состав необслуживаемых кредитов не включались займы с пониженным качеством.

Директивные органы отказывались признавать трудности, с которыми сталкивалась экономика Кореи, и вместо этого продолжали настаивать на том, что экономика страны покоится на прочном основании. В таких условиях почти все хозяйствующие субъекты, в том числе частные предприятия, финансовые учреждения, работники и вкладчики, подвергались моральному риску, главным образом потому, что общество полагало, будто правительство неявно выступает гарантом по всем их убыткам. Правительство действительно явным или неявным образом принуждало финансовые учреждения выдавать крупным конгломератам гарантии под рискованные инвестиции, и любое бремя потерь ложилось на плечи всей нации. Вполне понятно, что такое поведение было несовмес-

тимо с процессами глобализации. Вместе с тем следует признать, что к тому же это был легкий способ создания рабочих мест и поддержания экономической стабильности.

Проблема заключается в том, что подобная система разделения риска становится все более несостоятельной по мере роста и усложнения экономики. Это еще более справедливо в условиях глобализации. В известном смысле такой разрыв между местными и мировыми стандартами отражал нежелание подстраиваться под глобализацию. Лишь столкнувшись с кризисом, корейская экономика была вынуждена адаптироваться к сложившимся условиям.

Принятие болезненных мер

После вмешательства МВФ и международного сообщества, которые предоставили Корее крупные займы, ей пришлось принять болезненные меры (включая жесткую денежно-кредитную политику; ограничительные государственные бюджеты; систему свободно плавающего обменного курса; реструктуризацию финансового сектора, в ходе которой в процессе слияний за два года из девяти банков образовалось четыре; ужесточение пруденциальных нормативов; повышение прозрачности финансовой информации), чтобы вновь взять ситуацию под контроль.

Эти меры политики оказали мощное воздействие: экономика не только восстановилась, но и претерпела значительные преобразования. Например, банки и крупные предприятия уже не получают стопроцентной защиты, и ни один из них не питает ложных иллюзий о том, что «он слишком большой, чтобы обанкротиться». Однако это нельзя назвать историей с абсолютно счастливым концом.

Имея благополучные макроэкономические показатели и в большей степени соответствуя мировым стандартам, Корея должна теперь в большей мере походить на развитую страну. Но вместо этого она страдает от проблем поляризации и возросшего неравенства. Цены на жилье резко поднялись, в результате чего некоторые слои населения были вытеснены с рынка. Кроме того, даже 10 лет спустя большая часть самостоятельно занятого населения не смогла вернуться к докризисному уровню жизни. К тому же именно эти люди, располагающие меньшими средствами, испытали на себе основной удар изменений и реорганизации. В свою очередь, это нанесло ущерб потенциалу экономического роста, так как был размыт человеческий капитал в группах со средними и низкими доходами.

Поэтому, несмотря на то что финансовый кризис уже миновал, экономика по-прежнему должна приспосабливаться к внутренним и внешним изменениям, и те, кому недостаточно повезло, чтобы поучаствовать в выгодах экономического подъема, до сих пор испытывают тяготы.

Необходим новый общественный договор

Суть проблемы послекризисной Кореи заключается в том, что, хотя старые методы ведения дел будто бы ушли в прошлое, новая структура еще не развилась настолько, чтобы прийти им на смену. Например, хотя корейские компании пытаются составлять свои планы в соответствии с мировыми стандартами, характер их взаимодействия друг с другом и со своим окружением по-прежнему базируется на старых способах ведения дел, использовавшихся в Корее.

Глобализация также принесла с собой больший прагматизм в ведении дел, что дополнительно усилило ощущение поляризации в обществе. Например, принятый после кризиса консервативный подход и сосредоточение на получении краткосрочной прибыли, возможно, и повысили надежность банков, но в то же время нанесли ущерб раз-

витию малых и средних компаний, которым недостает надежного залогового обеспечения. Вполне понятно, что банкам удобнее выдавать кредиты под недвижимость, чем под бизнес-планы или авторитет отдельных лиц. В свою очередь, это сузило потенциальный источник обогащения банков. В итоге данный сценарий напоминает наихудшее равновесие по Нэшу, при котором, в конечном итоге, теряют все, а это не то, чего мы хотим от глобализованной экономики.

Каким же образом Корея оказалась в столь неудовлетворительном положении? Мне представляется, что основной причиной является отсутствие в Корее действительного общего понимания того, как должны вестись дела в эту новую эпоху.

Как мы видели, до кризиса Корея обладала своей собственной уникальной деловой культурой, которую можно было бы представить как триединство правительства, финансовых учреждений и крупных конгломератов. Эта всеобъемлющая структура «Кореи инкорпорейтед» была разрушена отчасти кризисом, отчасти — неизбежным процессом увеличения размеров экономики и роста ее подверженности влиянию глобализации. Однако именно сейчас, когда старая система уже не действует, корейской экономике, по-видимому, недостает прочно устоявшихся механизмов, с помощью которых можно было бы координировать деятельность отдельных участников и управлять рисками в соответствии с мировыми стандартами.

По моему мнению, для того чтобы глобализованная система стала успешно функционировать в Корее и, возможно, в других странах Азии, необходимо заключить новый общественный договор. В известном смысле общепринятые идеалы можно рассматривать как аналог неявного знания. Несмотря на то что мировые стандарты, хорошо работающие в богатых странах, можно экспортировать в развивающиеся страны, во многих случаях невидимые или на первый взгляд не связанные между собой элементы, которые образуют основу этих хорошо функционирующих мировых стандартов, не являются легкодоступными или с трудом поддаются передаче. Например, несложно убедиться в том, что системы социального обеспечения, уменьшающие страх рабочих перед реструктуризацией, доверие и репутация, облегчающие проведение рыночных операций, а также правовые системы, поддерживающие рынки, невозможно с легкостью экспортировать в развивающиеся страны.

Не следует недооценивать потенциальную роль этого невидимого, но важного аспекта взаимодействия людей. Общественный капитал доверия, общепринятое долгосрочное видение и общие нормы, которые создают позитивную среду для всех и каждого, необходимы для того, чтобы обеспечить прозрачность и гарантировать надлежащее функционирование рыночных принципов. В отсутствие общепринятых норм деятельности закон джунглей возьмет верх над регулируемой рыночной экономикой, усилив положение экономически могущественных хозяйствующих субъектов по сравнению с положением тех, кто обладает меньшим влиянием.

Хотя для построения хорошо сбалансированной экономики, опирающейся на всеохватывающий набор общепринятых экономических и социальных норм, придется пройти через длительный процесс проб и ошибок, политическое руководство тем временем могло бы сделать многое для улучшения ситуации, особенно в сфере управления конфликтами между теми, кто выиграл и кто проиграл в эти изменчивые времена. ■